

УДК 94"653"

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.791-806

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПОСТОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XVI ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

М.В. Моисеев

*ГБУК г. Москвы «Музейное объединение “Музей Москвы”»
Москва, Российская Федерация*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация*

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Российская Федерация
maks-moisee@yandex.ru*

Цель исследования: изучение памятников дипломатической переписки XVI в. как источника по истории политической мысли постордынских государств.

Материалы исследования: послания крымских ханов, султанов, представителей правящих групп, ногайских биев и мирз, отложившихся в переводных копиях в посольских книгах Московского государства.

Научная новизна: впервые дипломатические документы Крымского ханства и Ногайской Орды привлекаются для реконструкции корпуса политических идей. Рассматривая вопрос об авторстве посланий, мы исходим из концепции С.М. Каштанова о «техническом авторстве», в рамках которой авторство понимается как коллективная работа правителей, придворных, бюрократов и технических работников над созданием грамоты.

Результаты исследования: применение концепции «корпоративного авторства» позволило показать, что дипломатические послания – это всегда продукт некой конвенции, возможной в рамках элиты, причастной к выработке внешней политики. Большую роль в формировании политического языка играли переводчики. В посланиях ханов, султанов, беков и мирз постордынских государств излагаются некоторые идеи, с помощью которых мы можем очертить контур политической идеологии. Центральное место в ней занимает тезис об исключительном праве на власть Чингизидов, которые могут получить власть только при условии общего согласия «политического народа». Важнейшими концептами постордынской мысли были «лихо» и «благо». «Лихо» понималось как любое изменение сложившегося порядка, а «добро» как сохранение устоявшегося порядка. Для политической мысли постордынских татарских государств характерен консерватизм и желание зафиксировать ритуалы власти и практики управления, сложившиеся ранее в эпоху Золотой Орды. Подобный настрой приводил к консервации прежних понятий и терминологического языка, что и нашло отражение в практике дипломатии, когда ускользающая реальность былого могущества оказывала влияние на посольский церемониал и формуляр посланий.

Ключевые слова: постордынские исследования, дипломатическая переписка, посольские книги, татарские государства

Для цитирования: Моисеев М.В. Дипломатические материалы как источники по истории политической мысли в постордынских государствах XVI века (к постановке проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 791–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.791-806

**DIPLOMATIC MATERIALS OF THE SIXTEENTH CENTURY
AS A SOURCE OF POLITICAL THOUGHT
IN THE SUCCESSOR STATES OF THE GOLDEN HORDE
(TO THE FORMULATION OF A RESEARCH PROBLEM)**

M.V. Moiseev

*Museum Association "Museum of Moscow"
Moscow, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation
maksimoiseev@yandex.ru*

Abstract: *Objective:* To study the monuments of diplomatic correspondence from the sixteenth century as a source of political thought in the successor states of the Golden Horde.

Research materials: The messages of Crimean khans, sultans, representatives of ruling groups, Nogai beks and mirzas preserved in translated copies in the ambassadorial books of the Muscovite state.

Novelty of the research: For the first time ever, the diplomatic documents of the Crimean khanate and the Nogai Horde are involved in the reconstruction of their period's corpus of political ideas. Considering the question of the authorship of messages, we proceed with the concept of S.M. Kashtanov about "technical authorship", in which the authorship is understood as the collective work of rulers, courtiers, bureaucrats, and technical workers on the creation of a letter.

Research results: The application of the concept of "corporate authorship" has made it possible to show that diplomatic messages were always a product of some convention possible within the elite that were involved in the development of foreign policy. Translators played an important role in shaping the political language. The messages of the khans, sultans, beks, and mirzas of the successor states of the Golden Horde contain some ideas that can help us to outline the political ideology. Central to it is the thesis of the exclusive right to power of the Chinggisids who could get power only with the general consent of the "political people". "Evil" and "good" were the most important concepts of thought in the successor states. "Evil" was understood as any change in the established order, and "good" as its preservation. Thus, conservatism and the desire to fix the rituals of power and management practices that had developed earlier in the era of the Golden Horde were the most important concepts for political life in the successor states. This attitude led to the preservation of earlier concepts and terminological language, something which was reflected in the practice of diplomacy when the elusive reality of former power influenced ambassadorial ceremony and the form of messages.

Keywords: post-Horde studies, diplomatic correspondence, ambassadorial books, Tatar states

For citation: Moiseev M.V. Diplomatic Materials of the sixteenth century as a Source of Political Thought in the Successor States of the Golden Horde (To the Formulation of a Research Problem). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 791–806. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.791-806 (In Russian)

Одной из важнейших проблем в изучении истории постордынских государств является неоднократно отмечаемый источниковый голод. В последнее время эта проблема последовательно решается введением в оборот татарских исторических сочинений, генеалогических источников. Но, к сожалению, в значительной степени это поздние источники. Вместе с тем у нас есть источники, созданные непосредственно в XV–XVI вв. – это посольские документы, в первую очередь грамоты правителей постордынских государств и представителей правящих элит. Посольские послания представляют собой сложный источник. В них содержится не только информация по текущим политическим событиям, но и рефлексия. При этом, рассматривая вопрос об авторстве посланий, мы исходим из концепции С.М. Каштанова о «техническом авторстве», в рамках которой авторство понимается как коллективная работа правителей, придворных, бюрократов и технических работников над созданием грамоты. В этой статье будут проанализированы памятники дипломатической переписки за период правления Ивана IV Васильевича (1530–1584), так как именно в это время были завоеваны Казанское и Астраханское ханства, позднее Сибирское ханство, что вызвало бурную дипломатическую переписку между Москвой, с одной стороны, и Бахчисараем и Сарайчуком, с другой. В этих посланиях дебатировались легитимность этих захватов, обсуждались основы власти в татарских государствах. Общий объем этой переписки, сохранившейся до наших дней, весьма значителен. Всего сохранилось более 1100 грамот. Этот комплекс представляется репрезентативной выборкой, на основе которой можно составить представление о политических идеях, бытовавших в постордынской среде. Предметом нашего анализа станет рефлексия татарских ханов, биев и мирз об источниках власти и ее характеристиках. Мы постараемся выяснить, как они понимали власть, ее законность и функции, выявить стратегии размышления о власти и определить эвристические возможности посольских документов, а также границы применимости. Кроме этого, рассмотрим вопрос о переводческих практиках русского Посольского приказа, так как крайне важно понять, каким образом тексты, написанные на татарском языке арабской графикой, становились русскими кириллическими документами. Для этого мы постараемся выяснить персональный состав переводчиков, интенсивность их работы, функционал. Последним важным вопросом, мимо которого не получится пройти, станет вопрос о характере «технического авторства». Для этого рассмотрим проблематику посольских посланий в рамках логики консенсуса правящей элиты. С нашей точки зрения, дипломатическое послание – это всегда продукт некоей конвенции, возможной в рамках элиты, причастной к выработке внешней политики. Эта конвенция тоже должна стать предметом анализа, но мы обязаны помнить, что она всегда ситуативна, и поэтому при анализе мы будем придерживаться жестких хронологических рамок, избранных нами.

«Корпоративное авторство». Вопрос об авторстве средневековых источников совсем не праздный и уже не раз привлекавший внимание исследователей. С.М. Каштанов не так давно предложил различать несколько типов авторства: 1) юридическое, 2) фактическое и 3) техническое. Под юридическим автором понимается лицо (учреждение), от имени которого пишется документ. Непосредственное участие в создании документа для такого типа авторства не обязательно. Фактический автор непосредственно участвует в

составлении текста, который он может написать или надиктовать. Технический же автор – это писец, пишущий под диктовку или переписывающий с написанного [13, с. 117]. Далее ученый отмечал, что бывают случаи, когда все указанные типы авторства объединяются, но он такую конвергенцию предполагал, в первую очередь, для источников, не оформленных «в качестве официальных документов правового характера» [13, с. 117]. Впрочем, из предложенных градаций авторства логично перейти к анализу авторства посольских грамот, что С.М. Каштанов и делает в русле анализа переписки Ивана Грозного и князя Андрея Курбского. В итоге историк приходит к выводу, что у посланий царя было несколько фактических авторов [13, с. 117–120]. Итогом этих наблюдений стало понятие «корпоративного авторства», которое более гибко описывает процесс создания посольских грамот [2, с. 113]. Алексей Бачинский отмечал, что «дипломатическим посланиям присуща даже сравнительно большая «формализация», что объясняется необходимостью выработать язык точных дефиниций. Неточное соблюдение обычая могло повлечь существенные негативные последствия для стороны, допустившей подобное» [1, с. 169]. Именно поэтому «...существовали устойчивые формы, позволявшие нанести противнику риторический удар, не обрывая посольских контактов» [2, с. 114]. Риторические формулы, стандартизированные блоки – признаки принадлежности посольских грамот к так называемому «авторитетному дискурсу» [17, с. 285], и связано это с тем немаловажным обстоятельством, что этот тип документа имел отчетливые репрезентационные функции [2, с. 113; 17, с. 285]. С точки зрения понимания функций дипломатии, в это время и посол, и грамота (и ее внешний вид и содержание) «являли» сопредельным государям государство отправителя. Именно поэтому посольские послания вполне могут привлекаться для анализа политических идей. Впрочем, прежде чем мы перейдем непосредственно к анализу этой проблематики, необходимо ответить на вопрос о применимости вышеизложенного к посланиям татарских правителей и знати. Во-первых, очевидно, что грамоты эти чаще всего писались профессиональными писцами¹, хотя и встречались исключения². Во-вторых, нам известно, что в выработке принимали участие и члены дивана, окружение правителей. Многочисленные приписки к посланиям фиксируют, что некоторые доверенные лица могли позволить себе довольно заметные интервенции в текст. Наконец, грамоты, составленные в Крыму или Ногайской Орде, переводились в Москве переводчиками, которые не могли не оказывать влияние на текст. Михаил Ходарковский обвинял их в раболепии и подозревал в фальсификации, как минимум интитуляций ногайских посланий [31, с. 73]. Непереводимость же ряда терминов (шерть, аманат, ясак) в русской практике автор объясняет тем, что Московское государство усвоило «политическое наследие Степи» [31, с. 79]. Константин Ерусалимский пишет о принципиальном нежелании переводить ключевые термины русско-татарских отношений, видя в этом продолжаю-

¹ Благодаря упоминаниям в грамотах мы можем иногда узнать фактическое авторство ряда документов, исходивших из татарских канцелярий. В 1539 г. Иван Васильевич упоминает Джан-Али-дувана, писавшего крымский вариант шертной записи (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 618 – 618об.).

² Например, весной–летом 1537 г. Эмин-Гирей лично написал письмо Ивану Васильевичу (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 351).

щуюся практику гальперинского «заговора молчания» [10, с. 379]. Очевидно, что исследователи натолкнулись на тот факт, что и вправду ряд восточных слов был усвоен русским политическим языком, и поспешили найти этому объяснение в рамках тех концепций, которые им наиболее близки. Однако обращение к применению этих понятий и истории их присвоения русским языком вполне возможно скорректирует эти представления. В этом случае наглядным примером может стать история усвоения слова «шерть». Еще в 1474 г. русские для определения документа, прописывавшего обязательства Крымского ханства и Великого княжества Московского, использовали термин «докончальный ярлык», а под «шертью» понимали процедуру присяги на этом ярлыке крымской знати [26, с. 3]. Только позднее, на рубеже XV–XVI вв. под «шертью» начинают понимать и сам документ, и обряд присяги на нем. На протяжении всего XVI столетия под шертью переводчики и, следовательно, московская элита понимали вполне конкретный вид действий [12, с. 126–292] и использовали производные от него слова. Однако это совсем не означает, что его не переводили. Так, довольно часто использовалось синонимичное шерти «рота». «Отца твоего с нами рота была», – вспоминал в малолетство Ивана IV ногайский бий Саид-Ахмед [23, с. 92], встречается и употребление в форме «рота и правда» и «шерть и рота». Подобное многообразие скорее говорит об отсутствии четко выработанной терминологии, чем некоем «замалчивании» или игнорировании. Скорее, стоит говорить о том, что переводчики с татарского языка вольно или невольно участвовали в конструировании русского политического языка, формы которого еще были не устойчивы и сильно зависели от того, кто и с какого языка переводит. Это последнее обстоятельство оказывало серьезное влияние на амбивалентный характер и языка и концепций. Именно поэтому стоит уделить внимание толмачам и переводчикам и дать этой группе краткую характеристику. Михаил Ходарковский утверждает, что переводчики «были важнейшими действующими лицами в долгом процессе колонизации сознания степного населения» [31, с. 108]. Исследователь указывает на тот факт, что Московскому государству «их (переводчиков и толмачей – М.М.) отчаянно недоставало» [31, с. 109], впрочем, представляется, что автор излишне драматизировал ситуацию. Приведенный им пример с отсутствием толмача в пограничной, не так давно построенной терской крепости скорее демонстрирует сложности колонизации новых территорий, чем характеризует ситуацию в Посольском приказе. Кстати, недостаток переводчиков устной речи в приграничных крепостях известен и для османского Азова [19, с. 63]. Исследователь довольно низко оценивал качество толмачей, отмечая их неграмотность, отсутствие знаний местной культуры, и, развивая свои наблюдения, он утверждал, что для восточного направления русской дипломатии были характерны толмачи, а не переводчики [31, с. 109–110]. Эти суждения автора вызывают определенные сомнения, особенно из-за того, что система аргументации весьма напоминает эквилибристику. Исследователь, как искусный жонглер, использует факты из разных эпох и разных ситуаций. Вряд ли такое смешение может помочь разобраться в ситуации. Стоит отметить, что традиционное деление специалистов международной коммуникации на *толмачей*, как переводчиков устной речи, и переводчиков – специалистов письменного перевода, еще в начале XVII в. не было таким строгим [5, с. 99]. Круг языков постоянно рас-

ширился. На рубеже XV–XVI вв. лингвистического богатства во внешнеполитической деятельности великокняжеского двора не наблюдалось. Рабочими языками московской дипломатии в это время, вне всякого сомнения, были латынь, немецкий и татарский языки. Затем постепенно добавлялись новые языки, хотя в случае с восточной политикой основными были языки тюркской группы: татарский и турецкий. В конце XVI в. мы уже знаем о наличии переводчиков с фарси (персидский). В начале XVII в. в Посольском приказе работали с 9 языками: английским, голландским, немецким, польским, латинским, шведским, греческим, шотландским и татарским, в 1606–1610 гг. добавился еще один язык – французский, а в 1613–1615 гг. в активе уже было 13 языков, и в этот список добавились персидский (фарси), турецкий и итальянский [15, с. 152, 154]. Легко заметить, что список языков имеет несколько случайный характер, но можно полагать, что в XVI веке в Посольском приказе в активе было никак не менее 5–8 языков. По мере развития внешнеполитических связей Московского государства и увеличения числа контрагентов растет и разнообразие языков, необходимых для поддержания отношений. Во второй половине XVII в. в Посольском приказе работали с 21 языком³. В отношениях с татарскими государствами мы знаем, что грамоты к правителям и членам их семьи и двора сначала писались на *тюрки*, что на делопроизводственном языке того времени называлось «татарским письмом» (то есть на татарском языке арабской графикой).

Объективно, роль толмачей и переводчиков в межгосударственной коммуникации была весьма высока. Только за время правления Ивана IV Васильевича объем переписки между Московским государством и Крымским ханством составил более 500 посланий. Не менее высокой была интенсивность переписки с Ногайской Ордой. Остальные направления восточной политики Российского государства вроде как были менее насыщены, но объективно судить об этом нам сложно, так как именно по ним весьма велики утраты. Взаимоотношения не ограничивались перепиской, а сопровождалась обменами посольствами и переговорами. Так, когда посланник или посол направлялся в Крым или Ногайскую Орду, его обязательно сопровождали станица служилых татар, и не одна, головы которых исполняли в посольстве роль толмачей. В конце XV в. нам известно несколько толмачей, исполнявших дипломатические функции. Иванча Белый ездил к хану Менгли-Гирею в 30.04.1479 г., а позднее 19.03.1483 г., вероятно, он же ездил к жене Айдара [26, с. 15, 16, 35]. Осенью 1487 г. – весной 1488 г. посла Д.В. Шеина в Крымское ханство сопровождал толмач Борис, и он тогда же ездил с миссией в Большую Орду [26, с. 74]. В январе 1491 г. в Казань к хану Мухаммед-Эмину со Степаном Федцовым Мансуровым был направлен толмач Петруша Новокрещеной [23, с. 40], при этом секретную часть переговоров должен был переводить Борис Марков [23, с. 41]. Провожали ногайских послов до границы толмачи Денис Максимов в июне 1507 г., в июле 1507 г. – Елка, а мордвин Федька Новокшенов – в сентябре 1507 г. [22, с. 61; 22, с. 70, 72]. В XVI веке чаще всего функции толмача в миссии исполнял голова (руководитель) станицы служилых татар. Именно специа-

³ Этими языками были: волошский, венгерский, немецкий, цесарский (австрийский), шведский, древнегреческий, латинский, греческий, польский, голландский, датский, белорусский, французский, английский, грузинский, татарский, турецкий, арабский, персидский, калмыцкий, монгольский [5, табл. 5, с. 113–114].

листы по устному переводу были вовлечены в повседневную рутину международных отношений, совмещая в себе разнообразные роли от специалистов по международной коммуникации до разведки. Причем это была общая практика. Кроме русских толмачей в Крымском ханстве, нам известны случаи исполнения дипломатических обязанностей крымскими толмачами в Москве [21, с. 132, 134]⁴ и литовскими – в Бахчисарае⁵. Время от времени эти люди становятся нам известны поименно. В сентябре 1534 г. Сафа-Гирей вспоминал, что к нему ездил толмач Баика. Как толмачи известны Баибера, Севастьян Авраамов, Собанея Резанов, Нагай Сююндюков, Кудаш Кудинов и Девлет-хозя Резанов⁶. Иногда нам известны подробности их деятельности. Например, речь Афанасия Нагого перед ханом Девлет-Гиреем в 1563 г. переводил толмач Нагай Сююндюков (о его деятельности см.: [7, с. 87 – 88; 16, с. 179])⁷. Но что мы еще можем узнать о качестве работы толмачей и переводчиков? Ногайские и крымские аристократы были придирчивы и внимательны к толмачам. Они вполне воспринимали их как полноценных дипломатов. Ураз-Мухаммед, ногайский мирза, в 1578 г. просил царя Ивана IV прислать к себе или сына боярского или толмача⁸. Так же рассуждал и крымский аристократ Ибрахим-паша, когда просил прислать к себе толмача Резана⁹. Качество работы оценивалось, и иногда толмачи получали крайне нелестную оценку: «да присылал еси с Микитою толмача, ни слова говорити знает, ни сам догодаетца», а другие, наоборот, оценивались весьма высоко: «толмачи Рязан да Девлечар и сами говорити умеют, и от людей сказати умеют же...»¹⁰.

Самым авторитетным специалистом по письменной межязыковой коммуникации на рубеже XV–XVI вв. был переводчик Абляз-Бакшей (Абу-л-Гази-бакши), который переводил и писал послания «татарским письмом» и в Крымское ханство и Ногайскую Орду, что даже специально оговаривалось в посольских книгах [26, с. 75, 78, 87, 100; 22, с. 29]. Исключительность его положения обратила на себя внимание историков, и после М.Н. Бережкова многие исследователи связывают развитие формуляра крымской посольской книги именно с этим переводчиком [3, с. 15–16]. А.А. Зимин полагал, что к переводу грамот «татарского письма» был причастен известный интеллектуал времен великого князя Василия III и регентства Елены Глинской – Ф.И. Карпов [11, с. 161]. Весьма авторитетными и влиятельными переводчиками в 1530–1580-х гг. были представители семейства Тенишевых-Бакшеевых. Родоначальником этой плеяды переводчиков был Тениш-бакши, работавший в 1530-х – 1564 гг., известны его сыновья: Абд ар-Рахман (вероятно, старший в семье), Семен и Богдан, активно работавшие в 1570-х – 1580-х гг. [18, с. 83 – 87]. Богдан Тенишев, возможно, был самым младшим из братьев. Во всяком случае он, в отличие от своих братьев, упоминается еще в начале XVII в. Он 29.01.1610 г. давал пока-

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 13. Л. 64.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 27; Там же. Кн. 12. Л. 270; Там же. Кн. 13. Л. 64.

⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 100; Там же. Кн. 11. Л. 319, 324об., 325, 326об.; Там же. Кн. 13. Л. 206; Там же. Кн. 14. Л. 89об., 307, 320об., 356; Там же. Кн. 15. Л. 75, 84об., 277.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 14. Л. 244, 246.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 376.

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 579.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 537.

зания об измене татарина-новокрещена Якова Еркутаева [20, № 74, с. 194]. Тенишевы-Бакшеевы обладали обширным землевладением в Коломенском уезде [18, с. 86–87], а их двор в Коломне располагался «за государевым царевым и великого князя двором...» [9, с. 26]. Другой весьма авторитетный переводчик Кчук Устакасимов вспоминал в 1589 г., что при царе Иване IV у него было 1000 четвертей поместья (600 чети в Вязме и 400 чети в Можайске) и денежного жалованья в год 130 рублей¹¹. Подобный поместный оклад делал его причастным к верхушке служилого города. Например, если мы сравним его оклад по Вязме в 600 чети с поместным окладом служилых детей боярских по этому же городу по боярскому списку 1577 г., то увидим, что верхушка этого города имела оклад в 500 чети [27, с. 199]. Весьма авторитетными были братья-переводчики Степан и Вельямин Степановы, активно работавшие в конце XVI в. на крымском и иранском направлениях русской восточной политики [8, с. 32–40]. Но не только приличное экономическое положение переводчиков (или верхушки этой профессиональной группы) привлекает внимание. Мы можем полагать, что среди них были распространены представления о своей исключительности, они гордились своей работой и ревниво относились к собратьям по цеху. «...всякие мудрые грамоты турецкие и фарсовские, и арапские, и татарские перевозю и с русского писма, в мусулманские государства, в Бухару и в Юргенч, и в ыные, государева мудрые предисловья пишу»¹², – так аттестовал себя Кчук Устакасимов. Все это позволяет нам отнести скептически к картине, нарисованной Михаилом Ходарковским. Мы можем предполагать достаточную компетенцию у переводчиков татарского языка. Более того, их положение было связано с качеством перевода, а крымские и ногайские аристократы, как было показано выше, были к этому внимательны.

Также можно отметить, что, несмотря на критику качества перевода, высказываемую современными историками, современники относились к этому несколько иначе. Переводчики в ходе своей деятельности были вынуждены вырабатывать терминологию нового русского политического языка. Процесс этот был долгим и заключался в определенном присвоении и осмыслении понятий из других языков. В итоге стоит признать, что текст переведенных грамот был итогом разных конвенций и являлся продуктом корпоративного авторства, отражавшем не только русский двор, но и корпус политических представлений отправителей посланий.

Корреспонденты царя Ивана IV, рассказывая об обстоятельствах прихода к власти того или иного правителя, обязательно подчеркивали общность решения знати ханства. Ислам-Гирей в начале 1534 г. описывал обстоятельства своего возведения в ханское достоинство следующими словами: «Наперед сего брат мой Сафа-Гирей, салтан, в головах и четыре наши карачи, и уланы, и князи, и ближние, и дальние, и вся земля меня, брата твоего, царем были учинили...»¹³. Его калга Сафа-Гирей тогда же особо подчеркивал всеобщий характер принятия решения: «...все есмь на одне уста посмотри, на отца его

¹¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 2. Благодарю А.В. Белякова за предоставленный документ.

¹² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1589 г. Д. 25. Л. 2. Документ любезно предоставлен А.В. Беляковым.

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 33об. – 34.

юрте царем учинили...»¹⁴. Аналогично ситуацию с избранием хана описывал и Узбек-Гирей султан: «на отца своего юрте царем есмя учинили все уланы и князи, и ближние, и далные, и все земские люди на одне уста посмотри...»¹⁵. Интересно, что для оценки правильности того или иного решения для политического сознания постордынских элит важно подчеркивание единства в его принятии¹⁶. Распространялось это не только на избрание хана, но и на описание процесса шертования. «...вся земля на одне уста посмотрили, роту и правду учинили...», – писал Сафа-Гирей султан великому князю Ивану IV Васильевичу в 1534 г.¹⁷ Именно в рамках рассуждений о единстве принятия решений в русско-крымской переписке фигурируют карачи четырех племен (Ширин, Барын, Аргын и Кипчак), но, исходя из материалов переписки, они не единовластно принимают решения, а совместно с огланами, беками и другими представителями ханского двора¹⁸.

Еще одной важной категорией политической мысли постордынской элиты в передаче на русский язык было «лихо», а также «добро». «Лихо» не разъясняется, но является достаточным основанием для отстранения от власти. Ислам-Гирей следующим образом объяснял причины низложения Сахиб-Гирея: ««Наперед сего брат мой Сафа-Гирей, салтан, в головах и четыре наши карачи, и уланы, и князи, и ближние, и далние, и вся земля меня, брата твоего, царем были учинили, и яз почтил дядю своего Сагиб-Гирея, царя, пришедши, его царем учинил, и он людям и землям многие лихо и убытки починил (выделено мной – М.М.), и брат мой Сафа-Гирей, солтан, и Ширин Багирган, князь, в головах, и уланы, и князи, и четыре наши карачи, и ближние, и далние, и все слуги наши люди, все, на одне уста посмотри, меня, брата твоего, на отца моего юрте царем учинили, слава Богу, от отца нашего которые остались добрые люди, ныне у нас в руках...»¹⁹. «Лихо» – это зло для всей страны, оно может быть вызвано не только поведением правителя, но и необдуманными действиями подданных²⁰. Как оппозиция «лиху» понималось «добро». Сахиб-Гирей хан в 1537 г. писал Ивану IV: «ныне межи нами добро ся сстало, а ты бы, которое добро было в дедов и отцов наших лета» и что важно добру надо помогать: «ты бы потому ж **добру** помочь чинил»²¹. Очевидно, что «добро» понимается как гармоничное, мирное существование, и одна из задач дипломатии – это способствовать восстановлению добра: «Ко-

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 39.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 41об.

¹⁶ Обращает внимание используемый переводчиком для описания единства оборот «на одне уста посмотри». В русско-крымской переписке этот оборот используется только в переводах грамот 1534–1537 гг. [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 34, 39, 41об., 42, 44об., 45, 50, 51, 52 – 52об., 53, 54об., 97 – 97об., 105об., 142об., 144, 161, 165, 300, 307об., 355об.], а в русско-ногайских отношениях – для 1537 и 1552 гг. [22, с. 202.; 23, с. 85–86]. Возможно, что здесь мы имеем дело со стилистическими предпочтениями переводчика, и не исключено, что позднее по накоплению материала такие стилистические приемы позволяют устанавливать переводчика.

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 144.

¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 144.

¹⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 33об. – 34.

²⁰ «толко бы там Будадей умер, ино бы межи нами дело переиначилось, мало юрту лихо не ссталося...» См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 143об.

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 345об.

ли бывают ратны и в ту пору доброе дело делаетца: послы межи ими ходят и доброе дело сставаецца»²², – писал Сахиб-Гирей в 1547 г. Сама эта концепция находит параллели и в русской политической мысли. Нельзя исключить, что на переводчиков при переводе посланий воздействовали те идеи, которые витали при дворе. «Единомыслие» начальников и подчиненных мыслилось в Московском государстве как основа мирного и благополучного бытия государства [25, с. 332–333]. Впрочем, для установления такого влияния необходимо специальное исследование.

Хан, правитель в системе политических идей постордынских элит, занимал важное место. Именно с его персоной связано состояние «земли»/«юрта». Он может принести благо, а может и «лихо». Хан «устраивает» жизнь земли/юрта, и если он уходит до того, как исполнил эту свою функцию, то может и забрать с собою население. Именно так объяснял свои действия в Хаджи-Тархане в 1547 г. Сахиб-Гирей: «...ныне на недруга своего на астраханского ходили есмь, и Бог милосердые свое учинил – взяли есмь и юрт его, хотели есмь держати да за тем покинули, что место недобро, и мы того для людей их и улусов их там не оставили, всех пригонили к себе...»²³. Без государя земля становится беззащитной, и победа такая не слишком славна. Именно такой аргумент использовал хан Девлет-Гирей в споре с Иваном Грозным: «...без господарьной город и земля гдѣ ни буди так же в руки в падывали. И того для столко похвалятися пригождство не со стоится»²⁴. Хан не может быть поставлен на престол «черными людьми», это настолько недопустимо, что угроза подобного действия вполне может вызвать вторжение. Именно так оправдывали свое вмешательство в казанские дела ногаи: «А казанские люди коли Шигалѣя царя взяти не хотѣли были да к нам приказывали, чтоб нам им царя дати, ино от черных людей царь не будет, и мы брата своего Едигер Магметя царя послали» [24, с. 105]. Чингизид – необходим государству. Эту мысль высказал Исмаил по отношению к ситуации в Астрахани в 1556 г., когда предложил отправить туда выехавшего в Московское государство султана Токтамышша: «...а астраханским людем черным о нем держатися будет добро, толко ныне царевича отпустишь» [24, с. 254]. Этот комплекс идей характерен не только для постордынского времени, но, очевидно, восходил к ордынской эпохе. Так, Утемиш-хаджи, повествуя о событиях, предшествовавших возведению Узбека на престол, рассказывал примечательную историю. «Был некто по имени Бачир Тукбуга из омака уйгур. Род у него и племя были многочисленными. К тому же, он был аталыком хана. Шайтан попутал [его], стал ханом простой человек» [30, с. 41]. Позднее этого самозванного хана убили, а один из заговорщиков объявил: «Да прекратится после этого воцарение на ханство черных людей!» [30, с. 43]. Это же запрещение сообщал Эдиге своему сыну: «Человек черной кости не может быть ханом» [30, с. 64]. То есть можно говорить о комплексе представлений, которые обосновывали удержание власти в рамках рода Чингиза. Особенно актуальными эти идеи были в кругу нечингизидской знати. Во всяком случае именно в посланиях потомков Эдиге эти идеи нашли отражение и именно в их кругу, в условиях

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 57.

²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 171об. – 172.

захвата русскими чингизидских ханств, появились мысли о принадлежности царя Ивана Грозного к этому избранному семейству.

Итак, в посланиях ханов, султанов, беков и мирз постордынских государств излагаются некоторые идеи, с помощью которых мы можем очертить контур политической идеологии. Центральное место в ней занимает тезис об исключительном праве на власть Чингизидов, однако тезис этот не безусловен. Чингизид может стать ханом только при общем согласии, «на одне уста посмотрев». Исходя из текстов посланий, мы можем представить круг лиц, которые участвовали в возведении Чингизида в ханское достоинство. Это четыре карачи, «и уланы, и князи, и вся земля». Институт четырех карачи в Крымском ханстве хорошо известен [29], но стоит отметить, что он все-таки не обладал исключительными правами на избрание и возведение Чингизида на ханский престол. В своих посланиях крымские ханы и султаны, описывая процесс возведения во власть, отмечают роль огланов, беков других элей и некую «всю землю». Последнее вряд ли уместно понимать как участие в этом акте всего населения ханства. Скорее всего, под этим определением объединялись мирзы, батыры, представители канцелярии и духовенства. А.В. Виноградов в специальном исследовании персонального состава элиты Крымского ханства выделил четыре группы «ближних царевых людей», которые и составляли «политический народ» Крымского ханства. К первой группе автор относит представителей «государствообразующих фамилий» Крыма: Ширинов, Кипчаков, Аргынов и Барынов. Ко второй – представителей кланов Кулюковых и Яшлавских, традиционно курировавших московское и литовское направление внешней политики ханства. К третьей группе относятся представители так называемых «внешних» кланов: Мангытов, черкесские беки, и позднее – представители казанской эмиграции. Четвертую же группу составляли кланы сановников, не принадлежавших к влиятельным фамилиям, но сумевшим сделать карьеру на личных связях с правящим ханом [6, с. 26–27]. В этой последней группе заметную роль играли воспитатели хана в его малолетство – аталыки [4, с. 414–426]. Если мы обратимся к другому виду источников, а именно к русским летописям, то увидим, что процесс шертования (присяги) казанской знати тоже описывается как некое всеобщее деяние. Шертование 1519 г. в официальной летописи описывалось следующим способом: «...а сеита и уланов и князей и карачей и мурз и молн и шизот и всех земских людей к шерти привидоша» [21, с. 32]. Всеобщность, понимаемая как участие всех (или почти всех сословий/групп), выступала как важное условие для наделения властью, но это условие становилось действенным, если выбранный правитель приносил стране «благо». Если же он приносил лихо – то это было оправданием для его свержения. Итак, «благо» и «лихо» – это следующие концепты постордынской политической мысли. Увы, в посланиях они не детализируются, поэтому мы можем сказать лишь то, что «лихо» приводит к убыткам, и поэтому оно, очевидно, мыслилось как некие действия, которые наносили подданным экономический ущерб. Однако не стоит за этим сразу видеть некие экономические мероприятия: рост налогов, запрет на торговлю, верификация экономики. Не исключено, что это могли быть и некие политические действия и даже коренные экономические и политические реформы, направленные на изменение экономической системы. Так, например, Сахиб-Гирей хан, когда провел ряд мер по переводу крым-

ских татар к оседлому образу жизни, сталкивался с сопротивлением. Схожая политика Исмоила в Ногайской Орде тоже не встречала понимания. Часть крымской знати опасалась, что при ханствовании Сахиб-Гирея они попадут «... в турецкие руки»²⁵. Итак, «лихо» – это любое изменение сложившегося порядка, и, следовательно, «добро» – в рамках этой мысли категория глубоко консервативная. Для татарской политической мысли, как мы это показали, характерен консерватизм и желание зафиксировать ритуалы власти и практики управления, сложившиеся ранее. Подобный настрой приводил к консервации прежних понятий и терминологического языка, что и нашло отражение в практике дипломатии, когда ускользающая реальность былого могущества оказывала влияние на посольский церемониал и формуляр посланий.

Интересно, но представления об идеальном оказывали глубокое влияние на реальную политику. Особенно это заметно, например, в посланиях хана Сахиб-Гирея. Отрицая практику пересмотра сложившихся ранее норм отношений, которую проводил русский великокняжеский двор, он обвинял русских в том, что они тем самым наносят ущерб себе: «...ино государьского обычая не держал отец твой, как неискунный народ, имени своему убавление делал...»²⁶. Намеренная архаизация отношений, сохранение этикетных формул-обращений в посланиях – все это входило в конфликт с изменившейся политической реальностью, что прорывалось в жарких дискуссиях в переписке [17, с. 283–303]. Собственно – этот консервативный тренд, характерный не только для Крымского ханства, но и для остальных постордынских государственных образований, приводил к тому, что они старались сохранить сложившиеся общественно-экономические отношения, формы и способы внешнеполитической деятельности, даже тогда, когда они уже входили в противоречие с развитием собственной государственности. В результате, эти сообщества все равно реформировались (хотя и не всегда последовательно и успешно), но риторика оставалась прежней и даже с течением времени могла ужесточаться и обращаться к более древним практикам и образцам [28, с. 191–203; 14, с. 91–101].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бачинский А.А.* Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М.: РГГУ, 2013. 203 с.
2. *Бачинский А., Ерусалимский К., Кочеконская Н., Моисеев М.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // *Российская история*. 2018. № 2. С. 111–129.
3. *Бережков М.Н.* Древнейшая книга крымских посольских дел 1474–1505 гг. Симферополь, 1894. 29 с.
4. *Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В.* Институт аталычества в постзолотоордынском мире // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Т. 5. № 2. С. 412–436.
5. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 97об.

²⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 489 – 489об.

6. *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х годах. По материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 25–41.

7. *Виноградов А.В.* Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60–90-х годов XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 84–91.

8. *Виноградов А.В.* Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия [Текст]: материалы междунар. науч. конф. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 32–40.

9. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Изд. подготовила Е.Б. Французова. М.: Древлехранилище, 2002. 470 с.

10. *Ерусалимский К.Ю.* Образы российского ориентализма (Обзор) // НЛЮ. 2020. № 161 (1). С. 378–391.

11. *Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Труды Отделения древнерусской литературы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. Т. 12. С. 160–173.

12. *Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017 444 с.

13. *Кашистанов С.М.* Проблема достоверности авторства исторического источника // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г.: Материалы конференции. М., 2003. С. 115–120.

14. *Колодзейчик Д.* Попытки восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII века: байса, тат ве тавгач // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91–101.

15. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 1–2. М.: ИРИ РАН, 2003. 485 с.

16. *Моисеев М.В.* Служилые татары – гонцы Посольского приказа XVI века. Материалы для биографического словаря // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань. 2016. № 8. С. 175–181.

17. *Моисеев М.В.* Исторические примеры в царских посланиях в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 283–303.

18. *Моисеев М.В.* Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей второй половины XVI в. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия [Текст]: материалы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 83–87.

19. *Моисеев М.В.* Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2019. Вып. 11. С. 60–66.

20. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Наука, 2003. 491 с.

21. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

22. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / Сост. Н. М. Рогожин. М., 1984. 99 с.

23. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 356 с.

24. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.

25. Салмина М.А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 10. С. 332–352.

26. Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. 640 с.

27. Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М.: РГГУ, 2004. 506 с.

28. Трепавлов В.В. История и историческое время в представлениях позднесредневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М.: Восточная литература, 2003. С. 191–203

29. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2019. 260 с.

30. Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И. М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

31. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» (119021, Зубовский бульвар, 2, Москва, Российская Федерация); старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (630090, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Российская Федерация); доцент Московского педагогического государственного университета (119991, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Поступила 26.08.2021 Принята к публикации 25.11.2021
Опубликована 29.12.2021

REFERENCES

1. Bachinskiy A.A. *Diplomatic Messages of Ivan the Terrible as a Publicistic Text. PhD Thesis*. Moscow: RGGU, 2013. 203 p. (In Russian)
2. Bachinskiy A., Erusalimskiy K., Kochekovskaya N., Moiseev M. Diplomatic correspondence of Ivan the Terrible: Problems of authorship, storage and existence. *Russian History*. 2018, no. 2, pp. 111–129. (In Russian)
3. Berezhkov M.N. *The Oldest Book of the Crimean Ambassadorial Affairs*. Simferopol, 1894. 29 p. (In Old Russian)
4. Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. Institution of Atalykship in the post-Golden Horde world. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 412–436. (In Russian)
5. Belyakov A.V. *Employees of the Ambassadorial Order in 1645–1682*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 368 p. (In Russian)
6. Vinogradov A.V. Political elite of the Crimean Khanate from the 1560s to 1590s. Based on materials from Russian and Polish-Lithuanian ambassadorial documentation. *Oriens*. 2016, no. 5, pp. 25–41. (In Russian)

7. Vinogradov A.V. Service Tatars of the Ambassadorial Order in implementation of diplomatic communications of the Russian state and Crimean Khanate from the 1560s to 1590s. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2016, no. 8, pp. 84–91. (In Russian)
8. Vinogradov A.V. Translators of the Ambassadorial Order, Stepan and Velyamin Stepanov, in the diplomacy of Boris Fedorovich Godunov. *Translators and Translations in Russia from the end of sixteenth to beginning of eighteenth century: Proceedings of an International Research Conference*. Moscow: IRI RAN, 2019, pp. 32–40. (In Russian)
9. *Cities of Russia of the sixteenth century. Materials of Scribal Descriptions*. Frantsuzova E.B. (ed.). Moscow: Drevlehranilishhe, 2002. 470 p. (In Russian)
10. Erusalimskiy K.Ju. Images of Russian Orientalism (Review). *New Literary Review*. 2020, no. 161 (1), pp. 378–391. (In Russian)
11. Zimin A.A. Fyodor Karpov's socio-political views. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 1956, vol. 12, pp. 160–173. (In Russian)
12. Zuev A.S., Ignatkin P.S., Slugina V.A. *Under the Shadow of the Double-headed Eagle: Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State from the late sixteenth to early eighteenth century*. Novosibirsk: IPC NGU, 2017. 444 p. (In Russian)
13. Kashtanov S.M. The problem of authenticity of historical source's authorship. *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: The Author and His Text. The Fifteenth Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Vladimir Terentyevich Pashuto. Moscow, 15–17 April 2003: Conference Proceedings*. Moscow, 2003, pp. 115–120. (In Russian)
14. Kolodziejczyk D. The efforts to reintroduce the Mongol tradition in the Crimean Khanate at the beginning of the 17th century: Baysa, tat ve tavgach. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2015, no. 3, pp. 91–101. (In Russian)
15. Liseytcov D.V. *The Ambassadorial Order during the Time of Troubles*. Vol. 1–2. Moscow: IRI RAN, 2003. 485 p. (In Russian)
16. Moiseev M.V. Service Tatars: Ambassadorial Order's messengers of the sixteenth century. Materials for a biographical dictionary. *Medieval Turkic-Tatar States*. Kazan, 2016, no. 8, pp. 175–181. (In Russian)
17. Moiseev M.V. Historical examples in the letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303. (In Russian)
18. Moiseev M.V. The Teneshev-Baksheevs: A family of translators and interpreters of the second half of sixteenth century. *Translators and Translations in Russia from the end of sixteenth to beginning of eighteenth century: Proceedings of an International Research Conference*. Moscow, 2019, pp. 83–87. (In Russian)
19. Moiseev M.V. Azov (Azaq) in 1570 in the report of the Russian ambassador, Ivan Novosiltsev. *Medieval Turkic-Tatar States*. Kazan, 2019, iss. 11, pp. 60–66. (In Russian)
20. *Popular Movement in Russia during the Time of Troubles at the beginning of seventeenth century, 1601–1608*. Rogozhin N.M. (ed.). Moscow: Nauka, 2003. 491 p. (In Russian)
21. *Complete Collection of Russian Chronicles, Vol. 13: Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikon's Chronicle*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 544 p. (In Old Russian)
22. *Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1489–1508*. Rogozhin N.M. (ed.). Moscow, 1984. 99 p. (In Old Russian)
23. *Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1489–1549*. Kel'dasov B.A. et al. (eds). Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 356 p. (In Old Russian)
24. *Ambassadorial Books on Russia's Relations with the Nogai Horde. 1551–1561*. Mustafina D.A., Trepavlov V.V. (eds). Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 391 p. (In Old Russian)

25. Salmina M.A. “On the causes of the destruction of kingdoms”: A work of the beginning of seventeenth century. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1954, vol. 10, pp. 332–352. (In Russian)

26. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Saint Petersburg, 1884, vol. 41. 640 p. (In Russian)

27. Stanislavskiy A.L. *Works on the History of the Sovereign’s Court in Russia in the sixteenth and seventeenth centuries*. Moscow: RGGU, 2004. 506 p. (In Russian)

28. Trepavlov V.V. History and historical time in the views of the late medieval nomads of Eurasia. *The Oldest States of Eastern Europe: 2001: Historical Memory and Forms of Its Embodiment*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, pp. 191–203. (In Russian)

29. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Structure in the Golden Horde*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p. (In Russian)

30. Ötemish Hajji. *Qara-tavarikh*. Mirgaleev I.M. et al. (eds and tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences 2017. 312 p. (In Russian)

31. Khodarkovsky M. *Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 352 p. (In Russian)

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Head of the Sector of the Department “Museum of Moscow’s Archaeology”, Museum Association “Museum of Moscow” (2, Zubovskiy Blvd., Moscow 119021, Russian Federation); Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University (2, Pirogov Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation); Associate Professor, Moscow State Pedagogical University (1, building 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksim-moiseev@yandex.ru

*Received August 26, 2021 Accepted for publication November 25, 2021
Published December 29, 2021*